

РЕКА

Ведь река – это тоже ручей
у истоков своих, у начала.
Золотым водопадом лучей
её раннее утро встречало.

И была она просто ничья,
и лениво струила течение,
по соседству другого ручья
беспреданное слушая пенье.

Это был несравненный ручей –
и соперник её, и учитель,
он катился быстрее и звончей,
и повсюду он был победитель.

В душевных дебрях – то дерева ствол,
то колода, то пень, то коряга.
Вот ручей повернул и ушёл –
устремился по склону оврага.

Будет, будет ему благодать
и недолгий простор для полёта –
бочажины лесные питать,
упираться в глухие болота,

и не знать на коротком веку
под ступенчатым сводом природы,
что река превратилась в реку
и широко раскинула воды.

Ей – и баржи нести на спине,
и вращать водяные турбины,
вдаль пройти по великой стране,
открывать города и глубины,

выходить из своих берегов,
видеть счастье народов и горе,
быть преградой живой для врагов
и в открытое вылиться море.

Ничего не решала борьба,
так уж небо, должно быть, решило.
Так уж, видно, сложилась судьба,
так на звёздах начертано было.

Не смущай же ты душу ничью:
неуместны восторг или жалость.
У холодного сна на краю
больше выбора им не осталось.

Только детство, где нету вины
и ни имени нет, ни названья,
где великий покой тишины
и великое счастье незнанья.

НА СЕВЕР

С. У.

Стеною отвесной, лавиной прямой
здесь рушится ливень из пропасти мутной.
Скорее на север! Скорее домой –
в какой-то машине – случайной, попутной.

Пускай без дороги, пускай в никуда –
к стеклу запотелому локтем прижаться
и видеть, как в лужах вскипает вода,
как злые воронки в канавах кружатся.

Вперёд! Из-под чёрного полога туч,
где грозно встаёт за заставой застава,
где бурный поток, оборвавшийся с круч,
тебя конвоирует слева и справа –

пробиться, прорваться, уйти, убежать!
Я знаю: дорогу нащупают шины,
и пусть не сумеет меня удержать
упругая сеть Среднерусской равнины.

И времени маятник молча повис,
качнуться не смея к пределу иному.
Мы мчались на север! Мы рушились вниз,
но вверх поднимались по шару земному.

И там, где кончается ливня межа,
открылись тебе просветлённые дали.
И в тихих озёрах лежала Тужа,
и редкие капли с берёз упали.

А дальше – в симметрии рельсов и шпал,
в вечернем тумане, в закате пугливом
железный Котельнич упрямо вставал
и медленно плыл над высоким обрывом.

И ночь восставала. Но где-нибудь там
расчищено место гнездовью родному.
По улицам вдоль, по созвездьям реклам
в последнем рывке доберёмся до дому.

Мой друг! Мы вернулись на север – туда,
где сходятся линии жизни в пространстве,
где тихо Полярная светит звезда
в своём неподвижном, немом постоянстве.

БАБЬЕ ЛЕТО

Закат полыхает, но тёмнен восток,
таинственный миг полутьмы, полусвета.
И солнце уж село, и на землю лёг
покой равновесного бабьего лета.

Тяжёлые ветви недвижны в садах,
гурьбой георгины приникли к забору.
О, всё обратится в унынье и прах
ещё не сегодня, не завтра – но скоро.

А нынче, на самом краю пустоты,
такая наполненность жизни всевластной,
что в ней без труда различаешь черты
надмирной долины, чужой и прекрасной.

Прощальный, утешный подарок небес –
тебе он всего на мгновенье дарован.
Смотри же, смотри: вечеряющий лес –
приблизился, встал – и молчит, очарован.

Вечерние тени так мягко легли –
ни ветра, ни стука, ни дальнего грома.
И низко над нами летят журавли:
уже улетаю, они ещё дома.

Спускайтесь всё ниже! Ищите ночлег
в тепле, где лощина ещё не остыла.
Нет, вы не увидите холод и снег –
от этого родина вас оградила.

Ночуйте! А завтра, набрав высоту
и в путь отправляясь, вы взором привета
окинете милую родину – ту,
где доброе солнце и вечное лето.